

DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-6-3

Стратегические приоритеты управления пространственными диспропорциями социально-экономического развития регионов России

И.А. Антипин¹, Н.Ю. Власова¹, О.Ю. Иванова¹¹Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, РФ

Аннотация. Актуальность осмысления процессов формирования диспропорций в социально-экономическом пространстве страны и ее регионов остается неизменной при усилении потребности национальной экономики в безопасности и устойчивости долгосрочного развития на фоне нестабильных макроэкономических условий. Статья посвящена исследованию векторов диспропорциональности социально-экономического пространства на макро- и мезоуровнях в Российской Федерации, а также определению стратегических приоритетов управления межрегиональной дифференциацией. Представлен комплексный подход, основанный на взаимосвязанности и взаимообусловленности пространственных диспропорций. Он базируется на оценке динамики трех групп показателей, характеризующих различия в развитии регионов РФ. Теоретическую и методологическую основу исследования составляют научные представления в области региональной и пространственной экономики, теории размещения производительных сил, стратегического управления, раскрытые путем использования совокупности методов: диалектического, причинно-следственного, статистических и др. Доказано, что векторы развития экономического и социального пространств РФ имеют неодинаковые, а зачастую противоположные направления, снижающие эффективность мер государственной политики. Это требует корректировки стратегического управления пространственными диспропорциями, а именно повышения эффективности механизмов и методов государственного управления, а также согласованности показателей развития страны и ее регионов с долгосрочными социально-экономическими ориентирами. На основании оценки проблем регулирования диспропорций социально-экономического развития и дискурсивного анализа наиболее значимых документов предложены пути совершенствования системы стратегического планирования в России. Полученные результаты могут служить базой для разработки научно обоснованного подхода к стратегическому управлению диспропорциями социально-экономического развития РФ и ее регионов.

Ключевые слова: стратегическое планирование; стратегическое управление; социально-экономическое пространство; дифференциация социально-экономического развития; межрегиональная диспропорциональность; региональная экономика.

JEL Classification: R50, R58

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00824 «Инкрементальный подход к формированию и реализации стратегий социально-экономического развития регионов различных иерархических уровней Российской Федерации: единые правила стратегирования».

Дата поступления статьи: 28 октября 2020 г.

Ссылка для цитирования: Антипин И.А., Власова Н.Ю., Иванова О.Ю. (2020). Стратегические приоритеты управления пространственными диспропорциями социально-экономического развития регионов России // Управленец. Т. 11, №6. С. 28–43. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-6-3.

ВВЕДЕНИЕ

Регулирование пространственных диспропорций социально-экономического развития регионов – неотъемлемая часть стратегического управления в Российской Федерации. Оно направлено на предотвращение дестабилизации единого экономического пространства страны, значительных кризисных явлений и экономических потерь. Несмотря на многочисленные зарубежные и российские исследования процессов равномерного и неравномерного пространственного развития, их изученность недостаточна.

Первые работы, посвященные анализу дифференциации экономического роста территорий, относятся к началу XX в. и связаны с именем Й. фон Тюнена. Исследователь соотнес неравномерное развитие

территорий с закономерностями размещения сельскохозяйственного производства. Дальнейшие представления о неравенстве регионального развития формировались в трудах немецкого ученого А. Лёша. Он проанализировал различные типы регионов, выделяя так называемые рыночные зоны и экономический ландшафт, объединяющий их. Во второй половине XX в. немалый вклад в изучение территориальных диспропорций внесли создатели теорий кумулятивного роста (Г. Мюрдаль, Ф. Перру, Х. Ричардс, Дж. Фридман, Т. Хагерстанд, Ж.-Р. Будвиль, П. Потье). Перечисленные авторы обосновали роль локальных центров концентрации производства и трудовых ресурсов в генерации экономического роста и доказали возможность

его распространения в пространстве по определенным каналам. В конце XX – начале XXI в. анализ неравенства регионального развития и причин возникновения социально-экономической дифференциации проводится в рамках новой экономической географии (А. Хиршман, А. Пред, Э. Венаблес, М. Фуджита, П. Кругман и др.). Согласно исследованиям данной школы, достижение устойчивого развития или экономического роста находится в прямой взаимозависимости с повышением внутренней согласованности межрегиональных или международных экономических систем.

Одна из наиболее важных гипотез о детерминантах регионального неравенства была предложена Дж. Уильямсоном в 1965 г. Она основывается на гипотезе С. Кузнецца о неравенстве распределения доходов в результате экономического роста. Уильямсон утверждал, что, поскольку ресурсы внутри стран размещаются неравномерно, экономические выгоды индустриализации на первом этапе усиливают региональное неравенство. На более поздних этапах развития мобильность рабочей силы и капитала, изменение уровня заработной платы, а также регуляторные меры позволяют сократить региональную дифференциацию, что в динамике принимает классическую форму кривой Кузнецца [Williamson, 1965].

Упомянутые зарубежные исследования убеждают в том, что неравномерное развитие регионов – достаточно естественное явление. Каждый регион выступает сложной системой с набором уникальных факторов: географическое положение, климатические условия, ресурсный потенциал, численность населения и т. д. Названные факторы изначально создают неодинаковую основу для развития отдельных территориальных образований. Особенности же осуществляемой человеком хозяйственной деятельности, как правило, лишь усугубляют эти различия.

Проблемы межрегионального неравенства и обоснование эффективных мер по его снижению являются актуальной задачей для Европейского союза, поскольку входящие в него страны существенно различаются по уровню социально-экономического развития. Масштабный блок программ посвящен стимулированию развития отстающих регионов, выравниванию показателей социально-экономического развития и т. п. [Charron, 2016; Berkowitz, Monfor, Pieńkowski, 2019; Iammarino, Rodríguez-Pose, Storper, 2019].

А. Díez-Minguela с соавторами проанализировали взаимосвязь между региональным неравенством и экономическим развитием на основании данных о национальном и региональном ВВП на душу населения для четырех стран: Франции, Италии, Португалии и Испании за 1860–2010 гг. Полученные результаты показывают неоднозначные тренды по уровню и динамике регионального неравенства [Díez-Minguela et al., 2020].

Несмотря на обособленность российской экономической науки от мировой на протяжении всего со-

ветского периода, проблемы преодоления социально-экономических диспропорций разрабатывались и в России. Благодаря работам плеяды крупных исследователей, среди которых И.Г. Александров, Н.Н. Коловский, Л.Л. Никитин, Н.Н. Баранский, Г.Н. Четыркин, П.М. Алампиев, Ю.Г. Саушкин, Э.Б. Алаев, была создана и практически реализована система экономического районирования СССР. Основная идея этой системы – комплексное развитие территории страны и равномерное освоение ее природных богатств, опирающееся на механизмы жесткой централизации управления и планирования экономики. Однако в условиях становления капитализма и отказа от плановой организации производительных сил государством сформированные производственно-технологические комплексы распались, а социально-экономическое пространство вновь стало тяготеть к неравномерности.

В настоящее время проблема социально-экономических диспропорций также не теряет актуальности. В этом русле развиваются исследования известных российских ученых, в том числе А.Г. Гранберга, Н.В. Зубаревич, Г.Р. Арманшиной, С.А. Ильминской, В.А. Ильина, О.В. Туркиной, Е.Г. Анимиды, Н.М. Сурниной и др. Современных исследователей интересуют причины диспропорционального развития, инструментарий воздействия на них, методология оценки диспропорций и способы их нивелирования.

Вместе с тем множество научных вопросов по-прежнему остаются открытыми, в том числе: где проходит грань между естественной неоднородностью и наносящей вред диспропорциональностью пространства, какие тенденции формируются в процессе дифференциации регионов страны, какие инструменты допустимо применять в сфере регулирования диспропорций в свете политических, религиозных, этнических и иных проблем, возможно ли снизить диспропорциональность пространства, сохранив лидерство регионов-локомотивов?

Дополнительные сложности в изучении и управлении пространственным развитием РФ обусловлены как мировыми событиями, так и внутренними проблемами страны. Среди них:

- неустойчивая геополитическая обстановка, влекущая трудности прогнозирования изменений внешнеполитической ситуации;
- исчерпание потенциала экспортно-сырьевой модели экономического развития, базирующейся на форсированном наращивании топливного и сырьевого экспорта;
- эскалация дифференциации социально-экономического развития регионов и качества жизни населения;
- недостаточная инфраструктурная оснащенность территорий.

Отсутствие ответов на обозначенные вызовы форсирует диспропорции социально-экономического раз-

вития российских регионов, их дистанцирование по важнейшим экономическим показателям (объем производства ВРП на душу населения, объем инвестиций в основной капитал, оборот оптовой и розничной торговли и др.).

В связи с этим актуальным представляется комплексное исследование общественных и экономических процессов, вызывающих деформации социально-экономического пространства регионов РФ, с выработкой на его основе корректной регулирующей политики. Цель работы – исследование векторов диспропорциональности социально-экономического пространства на макро- и мезоуровнях в Российской Федерации, а также определение стратегических приоритетов управления межрегиональной дифференциацией.

Для достижения цели исследования определен ряд задач:

1) изучить ключевые характеристики понятия «социально-экономическое пространство» и причин диспропорциональности его развития;

2) провести комплексный анализ векторов формирования диспропорций в социально-экономическом пространстве регионов России;

3) определить стратегические приоритеты управления пространственными диспропорциями социально-экономического развития российских регионов.

По меткому выражению Л.С. Шеховцевой [2006], «стратегическое управление регионом в настоящее время – это управление изменениями», и для того, чтобы управление было успешным, необходимо четкое понимание, в каком направлении и под влиянием каких сил эти изменения происходят.

КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО» И ПРИЧИНЫ ДИСПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ ЕГО РАЗВИТИЯ

Пространство выступает одной из наиболее сложных и абстрактных категорий в современной науке. Лауреат Нобелевской премии по экономике 2008 г. П. Кругман определил пространство как «абстрактный экономический ландшафт динамического распределения ресурсов» [Krugman, 1994]. Опираясь на труды А.Г. Гранберга [2009], Е.Г. Анимы и Н.М. Сурниной [Сурнина, 2003; Анимы, Сурнина, 2006], Ю.Г. Лавриковой [2009], Б.С. Жихаревича [2007] и других исследователей, можно заключить, что в лаконичном определении слишком сложно раскрыть суть этого понятия. Более верно подходить к анализу пространства через установление и оценку основных его свойств. К числу концептуальных свойств пространства можно отнести объективность существования, корреляцию с материей, наличие метрических параметров, взаимодействие подсистем (единство). Среди структурных свойств выделяют неоднородность, поляризованность, много-

мерность, иерархичность, многослойность и многоуровневость. Пространство представляет среду, вмещающую множество компонентов и связей между ними, определяющую вектор взаимодействия, направляющую развитие и размещение всех попадающих в поле ее влияния объектов.

Более глубоко изучено и конкретизировано в экономической науке понятие «экономическое пространство». Анализ определений данного термина позволяет выделить в его трактовке несколько концептуальных подходов:

- территориальный: экономическое пространство отождествляется с понятием «территория»;
- ресурсный: экономическое пространство рассматривается в качестве среды для размещения, распределения и перераспределения ресурсов;
- процессный: основное внимание уделяется отношениям между хозяйствующими субъектами и процессам, формирующимся в экономическом пространстве.

Есть мнение, что экономическое пространство является результатом взаимодействия и слияния социального, финансового, технологического и информационного пространств [Бияков, 2004]. По нашему мнению, это не совсем верно, хотя, безусловно, в рамках экономического пространства развиваются разнообразные социальные, финансовые, технологические и информационные процессы. Каждое из пространств имеет уникальную сущность, особенности и объекты.

Например, сущность социального пространства, как и сущность экономического пространства, есть совокупность отношений между людьми, однако отношения эти лежат не в плоскости производства и распределения благ, а в плоскости культуры, политики, религии и т. д. Наиболее точное и емкое определение социального пространства, на наш взгляд, представлено в статье А.Ю. Барковской [2013]: «...это многомерное пространство социальных процессов, социальных отношений, социальных практик, социальных позиций, функционально взаимосвязанных между собой и взаимосоотнесенных с физическим пространством».

В то же время, принимая во внимание, что каждое из пространств представляет уникальную среду для формирования определенных процессов и отношений, невозможно отрицать устойчивое усиление их связи; наблюдаются наложение социальных отношений на экономические практики и их интеграция в единую концепцию социально-экономического пространства. Социально-экономическое пространство представляет систему социально-экономических отношений, выстроенную с целью осуществления жизнедеятельности человека и обеспечения общественного воспроизводства [Матвеев, 2011].

Совокупность свойств социально-экономического пространства (неоднородность, поляризованность, многомерность, иерархичность, многослойность и

многоуровневость) неизбежно порождает неравномерность, а зачастую диспропорциональность его развития. Можно смело утверждать, что на протяжении периода, в течение которого изучается региональное социально-экономическое пространство, вопрос межрегиональной диспропорциональности также находится в центре внимания ученых.

В.С. Федоляк [2008] предлагает следующее определение межрегиональной диспропорциональности социально-экономического развития: «Это отклонение показателей уровня жизни, условий и эффективности хозяйственной деятельности в регионе (группе регионов) от соответствующих среднероссийских показателей». Б.Л. Лавровский [1999] заменяет понятие диспропорциональности термином «пространственное неравновесие», трактуя его как «состояние экономической системы, для которой характерна асимметрия развития под влиянием воздействия историко-географических, институциональных и структурных характеристик социально-экономического пространства». В качестве метрик регионального неравенства наиболее часто используются показатели уровня доходов населения [Puga, 1999; Yamamoto, 2008], безработицы и занятости (в том числе высокотехнологичной) [Li, Kovacs, Choi, 2020], уровня смертности [Van Raalte et al., 2020] и др. Исследуя проблемы регионального неравенства Великобритании, Р. McCann [2020] использовал 28 различных показателей благосостояния и индексов неравенства.

Большинство же исследователей и вовсе не дают конкретной формулировки межрегиональной диспропорциональности, негласно подразумевая под ней в своих работах существенные различия между регионами по ключевым социально-экономическим показателям [Миронова, Холина, 2011; Арманшина, Ильминская, 2018].

Нужно отметить, что проблемы пространственной неравномерности актуальны практически для всех стран с масштабной территорией: Китая [Fan, Kanbur, Zhang, 2011], Индии [Tiwari, Bhattacharjee, Chakrabarti, 2020], Канады [Breau et al., 2019], США [Wu, Gopinath, 2008], Бразилии [Arestis, Phelps, 2019], Мексики [Trejo Nieto, 2019] и др.

Выделяются различные факторы регионального неравенства, эконометрические модели строятся как для группы стран (например, входящих в ЕС), так и на внутристрановом уровне. Проводимые исследования подтверждают гипотезу о том, что по мере роста ВВП на душу населения уровень межрегионального неравенства должен сокращаться при прочих равных условиях [Barrios, Strobl, 2009]. Кроме того, значительная межрегиональная дифференциация оказывает негативное влияние на общее развитие страны, а географическая неоднородность является важной детерминантой экономической активности [Persson, Tabellini, 1994].

Большой интерес вызывает взаимосвязь между уровнем экономического роста и готовностью экономики к инновациям, а также то, насколько инновации способны замедлить или ускорить процессы региональной конвергенции и дивергенции [Lee, Rodríguez-Pose, 2013; Корчагина, Сычёва-Передеро, Корчагин, 2019].

Последние исследования выявляют связь между уровнем регионального неравенства, в том числе уровнем бедности, и смертностью населения, что особенно актуально в период пандемии COVID-19 [Zhang, Schwartz, 2020].

Среди причин диспропорциональности социально-экономического развития регионов выделяют две группы:

а) объективные – включают различия природно-климатических условий, состава и масштабов природных ресурсов, местоположения (центр, периферия и пр.), уровня и состава народонаселения и пр. Естественность этих различий априори подразумевает неодинаковые исходные условия для развития регионов. Значимость объективных факторов подтверждается с помощью эконометрических моделей [Barro, 2000; Achten, Lessmann, 2020].

б) субъективные – возникают в результате неудачных политических и экономических действий. К политическим причинам относятся непродуманная государственная политика, создающая преимущества либо дискриминирующая отдельные регионы, неадекватная политика самих регионов, безуспешное проведение реформ, неурегулированность правовых основ и неэффективность механизма реализации законодательства. Напротив, страны с высокой эффективностью государственного управления и низким уровнем коррупции способны воздействовать на процессы региональной дивергенции через механизмы уравновешивания, нивелирования центростремительных сил [Charron, 2016]. Государственное устройство, степень децентрализации власти, фискальная политика – все это может влиять на процессы регионального развития и неравенства [Lessmann, 2009; Rodríguez-Pose, Ezcurra, 2010; Van Rompuy, 2020]. В число экономических причин усиления диспропорциональности входят несбалансированная структура производства, низкие темпы технологического развития, слабое развитие производственной, транспортной и социальной инфраструктуры, высокая степень монополизации экономики, уровень и темпы урбанизации [Liu, Wan, Zhang, 2020].

Анализ последствий регуляторных воздействий на пространственное развитие показывает, что при разработке стратегий, программ и иных инструментов необходимо учитывать комплекс факторов, а также прямые и косвенные эффекты от проводимой политики. Например, в Китае такие меры, как ограничение мобильности рабочей силы через систему регистрации

жилых домов и строительство национальной скоростной сети, имели неоднозначные результаты. Развитие скоростных магистралей усилило существующие в Китае модели «ядро – периферия», а снятие ограничений мобильности может, по мнению авторов, привести к росту урбанизации в отстающих сельскохозяйственных регионах [Bosker, Deichmann, Roberts, 2018].

Связи между инвестициями в инфраструктуру и территориальным экономическим ростом подтверждаются эмпирическими данными [Démurger, 2001]. В частности, S. Bouzarovski и S. Tirado Herrero [2017] описывают пространственные и временные тенденции в структуре так называемой энергетической бедности в странах ЕС. Она в свою очередь в значительной степени зависит от уровня энергообеспеченности той или иной территории. Авторы увязывают эти процессы с моделями регионального экономического неравенства.

Как правило, именно субъективные причины вызывают особо острые диспропорции социально-экономического развития регионов и локализованных возможностей, что ведет к нарушению социальной справедливости и в перспективе вызывает различные социальные конфликты [Israel, Frenkel, 2018].

Чтобы выработать правильную позицию в рамках преобразований на государственном уровне, необходимо достичь определенности в видении исследуемых процессов. Однако в настоящий момент этого не наблюдается. Аналитики дают разные оценки и прогнозы происходящих изменений, указывая на усиление схождения или расхождения, интеграции или дезинтеграции региональных экономик. По нашему мнению, коренной причиной такого положения является отсутствие в большинстве исследований комплексного подхода к анализу изменений в экономическом и социальном пространствах. Представим собственное видение ключевых векторов развития диспропорций социального и экономического пространства регионов Российской Федерации, основанное на приоритете их неразрывной взаимосвязанности и взаимообусловленности.

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ВЕКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ ДИСПРОПОРЦИЙ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНОВ РОССИИ

Эволюция основных параметров развития регионов, а также содержание экономических отношений между ними в условиях рыночных реформ демонстрируют нарастание дезинтеграционных процессов, в частности появление межрегиональной диспропорциональности [Федоляк, 2008]. Однако межрегиональная диспропорциональность в экономическом и социальном пространствах России возникает при различных условиях. Как справедливо отмечает Н.В. Зубаревич [2008], «фундаментальной причиной диспропорциональности экономического развития является давно

изученный процесс концентрации экономической деятельности в местах, обладающих конкурентными преимуществами, что позволяет снижать издержки предпринимателей». Развитие же социального пространства менее подвержено прямому влиянию рыночных законов и закономерностей, но крайне зависимо от объемов и стабильности бюджетного финансирования. Поэтому при изучении потребностей, возможностей и инструментов сокращения территориальных различий анализ диспропорций социального и экономического пространств регионов России нужно разделять. В то же время с учетом имманентного единства экономики и социума в жизнедеятельности человека комплексный анализ диспропорций невозможен без синтеза экономического и социального пространств. Также в большинстве исследований межрегиональная неравномерность социально-экономического развития оценивается как степень разрыва между регионами по ключевым параметрам или как величина отклонений от средних по стране значений. В связи с этим в основу настоящего исследования положен анализ динамики различий между максимальным и минимальным значениями важнейших экономических, социальных и социально-экономических показателей, дополненный иными индикаторами.

Остановимся на показателях динамики различий регионов РФ по основным экономическим показателям (табл. 1).

По данным табл. 1 проблема разорванности и фрагментации межрегионального экономического пространства в РФ в настоящее время достаточно остра (хотя по ряду параметров этот разрыв несколько сокращается, его значение все еще остается масштабным).

Так, по абсолютному значению ВРП удельный вес пяти регионов РФ (Московской области, г. Москвы, Тюменской области, ХМАО и ЯНАО) на протяжении последних 15 лет составляет около 35 % всего объема страны; доля десяти ведущих регионов дает 57 % совокупного ВРП, а на остальные 75 субъектов приходится лишь 43 %. Лидерами по среднему ВРП являются г. Москва, Тюменская область, ХМАО и ЯНАО и Ненецкий АО. В каждой из этих территорий среднему ВРП от 2 до 12 раз превышает средний по стране. Десять следующих по этому показателю регионов демонстрируют значения, близкие к среднероссийским, остальные регионы отстают. В более долгосрочной динамике имеет место тенденция к сокращению числа регионов-лидеров как по абсолютным значениям ВРП, так и по среднему ВРП.

Динамика изменения среднего ВРП имеет параболу: до 2013 г. наблюдалось заметное сокращение диспропорциональности, но после наметился резкий рост, который к настоящему времени превышает значение за 2010 г. Безусловным

Таблица 1 – Динамика различий между максимальным и минимальным значениями основных показателей экономического развития регионов России, раз
Table 1 – Changes in the gap between maximum and minimum values of the main indicators of the Russian regions' economic development, times

Год	Разница между «крайними» регионами по:				
	абсолютному значению ВРП	среднедушевому объему ВРП	среднедушевому объему производства промышленной продукции	среднедушевому объему производства сельскохозяйственной продукции	среднедушевому объему инвестиций в основной капитал
2010	420	71,8	705,6	28,0	125,8
2011	377	61,6	503,9	29,1	56,0
2012	350	47,3	438,5	31,9	72,5
2013	355	44,0	321,8	28,3	50,6
2014	424	55,5	373,4	40,3	55,7
2015	321	48,7	381,9	56,1	208,7
2016	310	54,5	551,8	71,3	163,2
2017	353	54,8	626,3	66,1	93,1
2018	353	62,4	799,8	68,4	70,2

лидером по данному показателю является нефтегазодобывающий Ненецкий АО, в аутсайдерах же северокавказские республики.

Распределение по территории страны сельского хозяйства естественным образом обусловлено природными предпосылками. На протяжении всего периода лидером по показателю «среднедушевой объем производства сельскохозяйственной продукции» является Белгородская область, последнее место делят слабо пригодные для ведения сельского хозяйства северные регионы страны – ЯНАО и Мурманская область. Причем заметный рост разницы между «крайними» регионами за рассматриваемый период обусловлен тем, что специализация лидирующего региона в сельском хозяйстве за период усиливается.

Лидерами по среднедушевому объему инвестиций в основной капитал являются ресурсные регионы РФ – Ненецкий АО, ЯНАО, ХМАО, Сахалинская область, Республика Саха (Якутия). Значения показателя в этих регионах от 3,5 до 17 раз превышают среднероссийский уровень. Как показано в табл. 1, формирование и распределение этого показателя в региональном разрезе

отличается высокой скачкообразностью, что объясняется динамикой принятия политических и предпринимательских решений об осуществлении масштабных инвестиционных проектов на отдельных территориях.

Масштабы диспропорциональности развития социального пространства регионов РФ не столь велики (об этом свидетельствуют показатели, представленные в табл. 2). Равномерно высокая обеспеченность граждан страны социальными благами является приоритетным принципом России как социального государства, лежащим в основе распределения бюджетных средств и межбюджетных трансфертов. В последние годы выравниванию развития регионов РФ по основным социальным показателям способствует реализация крупных национальных проектов (далее – НП):

- НП «Образование» (1 января 2019 г. – 31 декабря 2024 г.);
- НП «Здравоохранение» (1 января 2019 г. – 31 декабря 2024 г.);
- НП «Демография» (1 января 2019 г. – 31 декабря 2024 г.);
- НП «Культура» (1 января 2019 г. – 31 декабря 2024 г.);

Таблица 2 – Динамика различий между максимальным и минимальным значениями основных показателей социального развития регионов России, раз
Table 2 – Changes in the gap between maximum and minimum values of the main indicators of the Russian regions' social development, times

Год	Разница между «крайними» регионами по:				
	численности студентов вузов на 10 000 человек	численности студентов СПО на 10 000 человек	численности населения на 1 больничную койку	численности населения на 1 врача	численности населения на 1 работника среднего медицинского персонала
2010	10,6	4,5	3,5	3,0	2,3
2011	10,4	4,6	3,1	3,2	2,1
2012	10,8	3,3	3,0	3,0	2,1
2013	10,3	3,9	3,2	3,0	2,1
2014	10,5	3,4	3,1	3,1	2,2
2015	12,6	2,9	3,1	2,7	2,3
2016	20,5	2,9	2,7	2,7	2,4
2017	31,8	2,9	3,0	2,9	2,2
2018	40,0	2,9	3,0	2,8	2,2

- НП «Наука» (1 октября 2018 г. – 31 декабря 2024 г.);
- НП «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (15 октября 2018 г. – 31 декабря 2024 г.);
- НП «Производительность труда и поддержка занятости» (1 октября 2018 г. – 31 декабря 2024 г.) и др.

Наибольшая дифференциация регионов по рассмотренным социальным показателям наблюдается по численности студентов вузов, приходящейся на 10 000 человек. С большим опережением по этому показателю лидирует г. Москва – центр сосредоточения различных учебных и научных учреждений, а также их филиалов. Последнее место занимает ЯНАО. Причиной роста разницы между «крайними» регионами в последние годы выступают резкое снижение числа студентов в ЯНАО, где среди высших учебных заведений представлены лишь филиалы, переток их в соседние регионы (в частности, в Тюменскую область).

По остальным социальным показателям дифференциация регионов незначительна, их динамика очень устойчива на протяжении всего периода. Так, по численности студентов СПО, приходящейся на 10 000 человек, неизменным лидером выступает Республика Алтай, аутсайдерами – г. Москва, Московская и Ленинградская области. По показателям нагрузки на медицинский персонал наилучшее соотношение врачей и населения демонстрирует г. Санкт-Петербург, наихудшее – Чеченская Республика. По численности населения на одного работника среднего медицинского персонала картина чуть более изменчива: минимальное значение на протяжении рассматриваемого периода поочередно занимают Чукотский АО и Магаданская область; максимальное значение отмечается в Республике Ингушетия, Чеченской Республике, Московской и Ленинградской областях.

Помимо чисто социальных показателей, определяющих качество жизни населения в регионах, есть ряд показателей, измеряющих уровень жизни (табл. 3). Величина показателей этой группы прямо пропорционально зависит от уровня экономического развития территории.

Несмотря на то, что данные табл. 3 демонстрируют невысокую межрегиональную дифференциацию, анализ регионов по показателям уровня жизни позволяет сделать важный вывод: в доминирующем большинстве регионов, демонстрирующих благоприятные показатели в области образования, здравоохранения и культуры, уровень жизни может быть достаточно низким. Так, по показателю среднедушевых денежных доходов населения наихудшие значения демонстрируют регионы Северо-Кавказского ФО, ряд регионов Сибирского ФО (республики Алтай, Тыва, Хакасия), в Южном ФО на протяжении 2010–2014 гг. минимальное значение показателя было зарегистрировано в Республике Калмыкия. По показателям качества жизни эти регионы, как следует из проведенного анализа, не относятся к числу отстающих (а по некоторым показателям принадлежат к числу лидеров). Максимальное значение данного показателя характерно для Ненецкого АО и ЯНАО.

Поскольку различия между максимальными и минимальными значениями показателей социально-экономического развития не столь велики, сопутствующие показатели свидетельствуют о заметной дифференциации регионов РФ по доходам населения. В частности, коэффициент Джинни в период с 1992 по 2019 г. увеличился почти в два раза с 0,289 до 0,413; децильный коэффициент (коэффициент фондов) за тот же период вырос с 8 до 15,6.

По показателю численности населения с доходами ниже величины прожиточного минимума выделяются те же группы регионов. Самые худшие значения отмечены в республиках Калмыкия и Тыва, лучшие – в Ненецком АО, ЯНАО и Республике Татарстан.

По показателю среднедушевой площади жилых помещений лидирует Московская область (уступая лидерство Чукотскому АО лишь в 2010–2011 гг.). Наименьшая площадь жилых помещений приходится на одного жителя в Республике Тыва и Чеченской Республике.

Как утверждает Н.В. Зубаревич [2010], население России, несмотря на социально ориентированную политику государства, продолжает активно «голосовать

Таблица 3 – Динамика различий показателей уровня жизни населения регионов России, раз
Table 3 – Changes in the gap in the living standard indicators of the Russian regions' population, times

Год	Разница между «крайними» регионами по:		
	величине среднедушевых денежных доходов населения	численности населения с доходами ниже величины прожиточного минимума	среднедушевой площади жилых помещений
2010	6,7	4,9	2,5
2011	6,2	4,8	2,3
2012	6,1	4,8	2,3
2013	5,7	5,2	2,2
2014	5,2	5,3	2,2
2015	4,8	5,2	2,5
2016	4,8	5,3	2,4
2017	5,1	5,9	2,3
2018	5,1	5,9	2,3

ногами», двигаясь туда, где можно обеспечить себе более высокие доходы. Действительно, если проанализировать направления миграционных потоков, можно увидеть несколько зон притяжения.

По состоянию на 2018 г. положительный миграционный прирост был зафиксирован в 28 регионах страны. Наиболее привлекательными в абсолютных единицах измерения (количество человек) были: г. Москва (+70 424), Московская область (+63 361), Краснодарский край (+30 555), г. Санкт-Петербург (+20 034) и Тюменская область (+9 958). Наибольший отток населения был зафиксирован из Омской области (-12 102), Республики Дагестан (-11 008), Саратовской области (-10 348), Оренбургской области (-10 294), Тамбовской области (-9 917), Республики Коми (-9 276), Челябинской области (-8 953), Республики Башкортостан (-8 858), Кемеровской области (-8 413). В относительном выражении (с учетом расчета коэффициента миграционного прироста на 1 000 человек населения региона) наибольшая убыль наблюдалась в Магаданской области (-18,7), Республике Калмыкия (-11,5), Республике Коми (-11,1), Еврейской автономной области (-11,0), Тамбовской области (-9,7).

Представленная статистика подтверждает сделанный ранее вывод о том, что позитивные изменения качества жизни и постепенное выравнивание регионов по социальным показателям вполне могут сопровождаться снижением среднедушевых доходов, уменьшением занятости, а в конечном счете миграцией населения в центры концентрации экономической активности. Сегодня наблюдается явная тенденция к разнонаправленности развития экономического и социального пространств РФ, которая лишь укрепляется усилением поляризации миграционных потоков населения внутри страны.

Подведем итоги проведенного анализа.

1. Векторы развития экономического и социального пространств регионов РФ все сильнее разворачиваются в противоположных направлениях. Экономическое пространство, формирующееся под воздействием рыночных законов и закономерностей, становится более поляризованным. Социальное же пространство под влиянием социально ориентированной политики государства постепенно выравнивается по всей территории страны.

2. Показатели уровня жизни в современных условиях имеют определяющее значение для населения при выборе территорий для жизни (работы). Фактор дохода лежит в основе формирования миграционных потоков внутри страны. Однако увеличение концентрации экономической активности населения в отдельных регионах лишь усиливает со временем экономические диспропорции.

3. Нерациональное распределение миграционных потоков внутри страны снижает эффективность социально ориентированной политики государства,

поскольку в регионах с высоким уровнем жизни неконтролируемо растет нагрузка на объекты социальной, жилищной, транспортной инфраструктуры. В долгосрочной перспективе это ухудшит показатели качества жизни и, как следствие, повысит диспропорциональность социального пространства.

Таким образом, несмотря на различающиеся траектории формирования диспропорций в экономическом и социальном пространствах, их взаимосвязь не вызывает сомнений. Регулирование диспропорций социально-экономического развития требует взвешенных стратегических решений, учитывающих как современные реалии, так и перспективные задачи.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫМИ ДИСПРОПОРЦИЯМИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Переход Российской Федерации и ее регионов к долгосрочным ориентирам развития вызвал потребность в стратегическом регулировании диспропорций социально-экономического пространства. В рамках государственного управления оно включает вопросы развития экономики, социальной сферы, гражданского общества, возможности финансовой системы страны, перспективы реализации ее демографического, производственного, интеллектуального и ресурсного потенциала. Успешность выравнивания социально-экономического пространства зависит от широкого спектра факторов. В связи с этим в документах стратегического планирования необходимо выделить направления деятельности, нацеленные на достижение устойчивого социально-экономического развития страны и ее субъектов, а также определить соответствующие им механизмы и подходы к государственному управлению, основанные на методах системного анализа, планирования и прогнозирования.

Вопросы регулирования дифференциации социально-экономического развития регионов РФ относятся к полю исследований макроэкономики. Политика сглаживания диспропорций в масштабах страны разрабатывается, как правило, на уровне Российской Федерации и федеральных округов. В связи с этим проведем дискурсивный анализ ключевых стратегических и прогнозных документов, чтобы выделить стратегические приоритеты управления диспропорциями социально-экономического развития регионов России.

Наиболее значимыми документами в свете рассматриваемых вопросов представляются:

- Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р);
- Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. (утв. Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208);

- Основы государственной политики регионально-го развития до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13);

- Прогнозы долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 и 2036 гг. (разработаны Минэкономразвития РФ).

В перечисленных документах отражены вопросы межрегионального социально-экономического неравенства и значительного отставания от среднероссийского уровня части субъектов Федерации. Основным приоритетом, как заявлено в Стратегии пространственного развития Российской Федерации (далее – СПР), является «сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения...». Достижение этой цели, среди прочего, предполагается за счет:

- повышения устойчивости системы расселения;
- совершенствования территориальной организации оказания услуг в отраслях социальной сферы;
- наращивания конкурентоспособности экономик субъектов РФ путем обеспечения условий для развития производства товаров и услуг в отраслях перспективных экономических специализаций.

В приложении к СПР приведен перечень перспективных отраслей, способных составить ядро специализации, по каждому региону. В то же время в СПР не указано, посредством каких механизмов и методов государственного управления предполагается стимулировать перечисленные отрасли. Названы лишь общеэкономические методы воздействия: ликвидация инфраструктурных ограничений, содействие распространению и интеграции технологий и др.

Комплекс мер регулирующего воздействия в Основах государственной политики регионального развития схож с направлениями реализации СПР, однако акцент делается на «совершенствовании механизмов стимулирования субъектов РФ и муниципальных образований к наращиванию собственного экономического потенциала».

Наиболее важным, на наш взгляд, аспектами стратегирования как в Основах государственной политики регионального развития, так и в СПР являются разработка документов территориального развития на уровне макрорегионов, обеспечение пролонгации и взаимосвязи государственных программ, ориентированных на развитие отдельных отраслей экономики и социальной сферы по территориальному принципу. Вместе с тем подчеркивается значимость усиления межрегионального сотрудничества и координации социально-экономического развития субъектов РФ в рамках макрорегионов (федеральных округов).

В Прогнозе до 2030 г. выделен раздел, посвященный территориальному развитию. Что характерно для такого типа документов, в прогнозе нет перечня мероприятий государственной политики пространственного развития, однако обозначены его приоритеты в

разрезе федеральных округов, сформулированные с учетом стратегических целей и задач на долгосрочную перспективу. В Прогнозе до 2036 г. анализ территориального развития страны отсутствует.

Поскольку в рассмотренных документах столь заметная роль в решении проблем межрегиональных диспропорций возлагается на макрорегионы, коснемся ключевых аспектов макрорегиональных стратегий социально-экономического развития.

Следует подчеркнуть, что высокий уровень межрегиональных диспропорций отмечается во всех макрорегиональных стратегиях. Однако отдельные разделы, посвященные непосредственно пространственному развитию макрорегиона и формированию зон опережающего развития, есть только в трех из восьми стратегий – Приволжского, Северо-Западного и Уральского федеральных округов.

В качестве стратегических приоритетов управления межрегиональными диспропорциями и снижения социально-экономической дифференциации в макрорегиональных стратегиях предлагается следующее.

1. Развитие территориальных зон опережающего экономического роста, сложившихся на основе отраслевой специализации, а также формирование новых ядер экономической активности на основе определенных в Стратегии пространственного развития приоритетных отраслей. В первую очередь к числу зон роста отнесены урбанизированные территории, кластеры и СЭЗ (ОЭЗ), отличающиеся особым режимом хозяйствования. Основная задача такого зонирования – трансформация производственных и коммуникационных узлов в крупные центры федерального масштаба с сохранением и модернизацией производственного потенциала, развитием институционально-деловых, транспортно-логистических, коммуникационных, социально-экономических и других функций.

2. Развитие межрегиональных экономических связей на базе зон опережающего экономического роста. Главная задача этого направления – развитие межрегиональной производственной кооперации, поддержка предпринимательства и торговли, освоение перспективных месторождений, упрощение трансфера технологий.

3. Запуск региональных и межрегиональных мегапроектов, нацеленных на возведение крупнейших объектов производственной, транспортной, энергетической, туристической инфраструктуры. Согласно стратегиям такие проекты запланированы в каждом макрорегионе. Так, в Уральском ФО это проекты «Урал Промышленный – Урал Полярный», «Уральское Созвездие», «Арктический вектор Уральского Созвездия», строительство железной дороги «Севсиб», обустройство, освоение и эксплуатация новых месторождений природного газа, нефти, меди, углеводородов, возведение новых или расширение существующих ГРЭС, ТЭЦ, АЭС и др.

4. Совершенствование системы расселения и развитие локальных рынков труда.

На основании результатов дискурсивного анализа можно констатировать, что макрорегиональное стратегирование в России в настоящий момент находится не на эталонном уровне и нуждается в совершенствовании. Необходимо проработать формальные вопросы: все макрорегиональные стратегии имеют разную структуру, во многих из них отсутствуют разделы, посвященные пространственному развитию. Требуется доработки и содержательная сторона: в макрорегиональных стратегиях слабо продуманы последствия воздействия запланированных мер на развитие экономического и социального пространств регионов, нет оценки их экономической и социальной эффективности.

Российские ученые в своих трудах касаются вопросов значимости макрорегионального (межрегионального) стратегирования и перспектив его совершенствования. Так, И.В. Гришина [2019] относительно различий в формировании диспропорций социального и экономического пространств в РФ пишет о неизменной дилемме между «пространственной эффективностью» и «пространственной справедливостью». Выбор приоритетов долгосрочного стратегирования и механизмов реализации стратегий предопределяется лишь соотношением этих базовых основ развития общества. Это означает «непреложную значимость каждой территории для социально-экономического развития России, недопустимость выделения “депрессивных зон”, поскольку одни регионы имеют потенциал с точки зрения развития экономики (производства товаров и услуг), другие – с точки зрения выполнения геостратегических задач, третьи – с точки зрения сохранения уникальных природных комплексов...». Следовательно, в перспективе пространственное развитие может опираться на многополярность – развитие центров роста разного уровня, а задача государственного регулирования – стимулировать реализацию недоиспользуемого потенциала всех регионов. Решением же дилеммы «эффективность – справедливость» с учетом принципов, заложенных в Конституции РФ, станет макрорегиональное стратегирование с опорой на все регионы, а не на ограниченное число центров роста.

В совместной работе А.О. Польшева и И.В. Гришиной [2019] перспективы повышения эффективности стратегирования и управления пространственным развитием связываются с использованием опыта научных исследований в области построения региональных типологий. Ученые предлагают выявлять типы субъектов РФ, для каждого из которых может быть определен особый, специфический комплекс регулятивных воздействий, в том числе мер целевой государственной (федеральной) поддержки.

В работах Е.М. Бухвальда прослеживается критика декларируемого в Стратегии пространственного раз-

вития приоритета «устойчивости системы расселения», что в полной мере согласуется с результатами настоящего исследования. Автор пишет: «Такая характеристика пространственного развития экономики, как расселение, в преимущественной мере вторична по отношению к сдвигам в размещении вещественных производительных сил, а также в распределении многих иных материальных факторов (например, объектов социальной инфраструктуры), определяющих уровень и качество жизни населения в отдельных регионах страны» [Бухвальд, Валентик, 2016]. По его мнению, решить проблемы диспропорций социально-экономического развития регионов РФ, влекущие неконтролируемые сдвиги в системе расселения, позволят последовательный отход от уравнилельного принципа взаимоотношений центра и регионов, переход к известной состязательности региональных стратегий и программ как основы получения федеральной помощи. Именно это даст возможность реализовать «принцип типизации» субъектов РФ как объектов федеральной политики регионального развития, сформировать для каждого типа регионов свой «пакет» государственной поддержки.

По мнению академика А.И. Татаркина [2013], наиболее перспективный путь управления территориальным развитием страны заключается в «переходе от региональной политики выравнивания к новому ее типу, соответствующему федеративному устройству России». РФ необходим каркас региональных (республиканских, областных, краевых, окружных) и территориальных (городских, районных) центров сосредоточения экономического роста, способных формировать и передавать сопредельным субъектам инновационные импульсы модернизации и развития экономики. Исследования А.И. Татаркина в наибольшей степени коррелируют с положениями СПР в том, что долгосрочное социально-экономическое развитие регионов и федеральных округов должно базироваться на уникальных для каждой территории конкурентных преимуществах, основанных на поддержке перспективных экономических специализаций. Такой подход может способствовать выводу на траекторию ускоренного и устойчивого развития даже глубинных и окраинных территорий.

Завершая рассмотрение стратегических приоритетов управления диспропорциями социально-экономического развития регионов России, отметим, что вопрос о том, как будут соотноситься друг с другом механизмы регулирования диспропорций, до сих пор остается сложным. Природа несоответствия экономического и социального пространств вполне понятна: экономическая дифференциация носит объективный характер, тогда как сокращение социального неравенства – результат проводимой политики, нацеленной на выравнивание условий жизни граждан. Тем не менее в перспективе это может привести к серьезным

проблемам в бюджетной сфере, снижению эффективности хозяйственной деятельности, осуществляемой в масштабах национальной экономической системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По нашему мнению, одним из инструментов, призванных избежать усиления диспропорциональности развития регионов Российской Федерации, является стратегическое планирование. Существующая в стране система стратегического планирования должна совершенствоваться в следующих направлениях.

1. Усиление координации документов стратегического планирования на всех уровнях государственного управления, повышение качества регулирования в них устойчивых трендов изменения социально-экономического пространства. Как показало исследование, документы стратегического планирования на макро- и мезоуровнях слабо скоординированы между собой, обозначенные в них цели, задачи и ключевые параметры реализации существенно дифференцируются. В ряде стратегических документов вопросы территориального развития либо не затронуты вовсе, либо не получают должного внимания отдельные острые проблемы: сужение пространства, рост уровня его централизации и т. д. Проблемы фрагментации социально-экономического пространства, отягощенные дисбалансами развития территорий, обозначены в стратегических документах более четко, однако инструменты их сокращения определены недостаточно. Декларативные утверждения, которые в корне противоречат сути стратегического планирования, должны быть изжиты.

2. Совершенствование структуры и механизмов реализации стратегий социально-экономического развития федеральных округов и макрорегионов. Учитывая, что межрегиональный аспект очень важен в регулировании социально-экономических диспропорций, тексты стратегий макрорегионов необходимо унифицировать. Следует включить в них разделы, посвященные пространственному развитию, поддержке традиционных и формированию новых зон роста. Не меньшего внимания требуют и вопросы межрегионального сотрудничества, особенно в русле ключевых отраслей специализации регионов и формирования межрегиональной инфраструктуры.

3. Гармонизация регулирования диспропорций развития социального и экономического пространства регионов РФ. Необходимо создать целостный пространственный каркас экономического роста, специфика построения которого предопределил особенности размещения населения. Каркас должен представлять иерархически организованную систему, включающую разномасштабные точки роста. При этом каждый уровень пространственной организации выступает платформой для формирования нижеследующих уровней. В качестве центров развития, включенных в данный каркас, могут служить не только населенные пункты, но и локальные формы пространственной организации экономики (кластеры, ОЭЗ). В рамках такого подхода неоднородность пространства рассматривается как значимый фактор экономического роста. Основными принципами создания подобного каркаса должны стать согласованность преобразований экономического и социального пространства, безусловная ценность каждого места, равнозначность уровней пространственного развития и сбалансированность роста городов разных размеров.

4. Дифференцирование стимулов развития конкурентных возможностей каждого региона (макрорегиона) страны с учетом его типологических особенностей. Очевидно, что проблемы социально-экономического развития старопромышленного региона в корне отличаются от проблем региона аграрного, приграничного или моноотраслевого ресурсодобывающего типа. Для эффективного и гармоничного пространственного развития России в долгосрочной перспективе требуется выделить ограниченное число типов субъектов РФ. Для каждого из них нужно определить специфический комплекс регулятивных воздействий, в том числе мер целевой государственной (федеральной) поддержки.

Совершенствование системы стратегического планирования в русле указанных направлений позволит сблизить траектории развития экономического и социального пространств регионов РФ, повысить контроль над формированием системы расселения и развитием локальных рынков труда, сформировать оптимальную территориальную структуру общероссийской экономики на долгосрочную перспективу. ■

Источники

- Анимица Е.Г., Сурнина Н.М. (2006). Экономическое пространство России: проблемы и перспективы // Экономика региона. № 3(7). С. 34–46.
- Арманшина Г.Р., Ильминская С.А. (2018). Межрегиональные диспропорции социально-экономического развития России: причины и последствия // Вестник ОрелГИЭТ. № 4(46). С. 79–84.
- Барковская А.Ю. (2013). Социологическая интерпретация категории «социальное пространство» // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Философия. № 1(19). С. 49–55.

- Бияков О.В. (2004). Экономическое пространство региона: процессный подход. Кемерово: Кузбассвуиздат.
- Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. (2016). Приоритеты национальной безопасности и стратегирование пространственного развития экономики Российской Федерации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. № 3. С. 122–137.
- Гранберг А.Г. (2009). Становление в России научного направления «Пространственная экономика» // Вестник университета. № 26-2. С. 18–24.
- Гришина И.В. (2019). Стратегия пространственного развития России: доказательство «от противного» // Пространственный потенциал развития России: невыученные уроки и задачи на будущее: сб. науч. тр. участников Междунар. науч. конф. – XXVI Кондратьевские чтения / под ред. В.М. Бондаренко. М.: МОСИПНН Н.Д. Кондратьева. С. 108–115.
- Жихаревич Б.С. (2007). Конкуренция за пространство и пространство конкуренции: реалии региональной политики // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 3(33). С. 26–32.
- Зубаревич Н.В. (2008). Социальное пространство России // Отечественные записки. № 44(5). С. 172–193.
- Зубаревич Н.В. (2010). Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.
- Корчагина И.В., Сычёва-Передеро О.В., Корчагин Р.Л. (2019). Чем различаются инновационные экосистемы регионов-лидеров и аутсайдеров // ЭКО. 49(12). С. 47–64. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-47-64.
- Лаврикова Ю.Г. (2009). Кластеры как рыночный институт пространственного развития экономики региона: дис. ... д-ра экон. наук. Екатеринбург.
- Лавровский Б.Л. (1999). Измерение региональной асимметрии на примере России // Вопросы статистики. № 3. С. 42–52.
- Матвеев М.М. (2011). Концепция теории социоэкономического пространства // Экономика, предпринимательство и право. № 6. С. 3–10.
- Миронова М.Н., Холина В.Н. (2011). Диспропорции регионального развития России: динамика в постсоветский период // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Экономика. № 4. С. 23–34.
- Полынев А.О., Гришина И.В. (2019). Методические подходы к построению типологии регионов для разработки стратегии пространственного развития России // Региональная экономика. Юг России. 2019. Т. 7, № 1. С. 29–41.
- Сурнина Н.М. (2003). Пространственная экономика: проблемы теории, методологии и практики / науч. ред. Е.Г. Анимца. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та.
- Татаркин А.И. (2013). Рыночная модель управления пространственным развитием Российской Федерации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013. № 1. С. 55–75.
- Федоляк В.С. (2008). Межрегиональные диспропорции социально-экономического развития современной России // Известия Саратовского университета. Т. 8. Сер.: Экономика. Управление. Право. Вып. 2. С. 12–20.
- Шеховцева Л.С. (2006). Концептуальные основы стратегического управления развитием региона // Вестник МГТУ. Т. 9, № 4. С. 690–693.
- Achten S., Lessman C. (2020). Spatial inequality, geography and economic activity. *World Development*, vol. 136(C), pp. 105–115. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.105114.
- Arestis P., Phelps P. (2019). A panel analysis of Brazilian regional inequality. *Environment and Planning A: Economy and Space*, vol. 51, no. 7, pp. 1558–1585. DOI: 10.1177/0308518X19842584.
- Barrios S., Strobl E. (2009). The dynamics of regional inequalities. *Regional Science and Urban Economic*, vol. 39, issue 5, pp. 575–591. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2009.03.008.
- Barro R.J. (2020). Inequality and growth in a panel of countries. *Journal of Economic Growth*, vol. 5, no. 1, pp. 5–32.
- Berkowitz P., Monfor P., Pieńkowski J. (2019). Unpacking the growth impacts of European Union Cohesion Policy: Transmission channels from Cohesion Policy into economic growth. *Regional Studies*, vol. 54, issue 1, pp. 21–34. DOI: 10.1080/00343404.2018.1551615.
- Bosker M., Deichmann U., Roberts M. (2018). Hukou and highways the impact of China's spatial development policies on urbanization and regional inequality. *Regional Science and Urban Economics*, vol. 71, pp. 91–109. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2018.05.007.
- Bouzarovski S., Tirado Herrero S. (2017). The energy divide: Integrating energy transitions, regional inequalities and poverty trends in the European Union. *European Urban and Regional Studies*, vol. 24, no. 1, pp. 69–86. DOI: 10.1177/09697764155964.
- Breau S., Burkhart N., Shin M. (2019). Is it time to start worrying more about growing regional inequalities in Canada? *The Canadian Geographer/Le Géographecanadien*, November. DOI: 10.1111/cag.12634.
- Charron N. (2016). Diverging cohesion? Globalisation, state capacity and regional inequalities within and across European countries. *European Urban and Regional Studies*, vol. 23, issue 3, pp. 355–373. DOI: 10.1177/0969776413512844.
- Démurger S. (2001). Infrastructure development and economic growth: An explanation for regional disparities in China? *Journal of Comparative Economics*, vol. 29, no. 1, pp. 95–117. <https://doi.org/10.1006/jcec.2000.1693>.
- Díez-Minguela A., Gonzalez-Val R., Martinez-Galarraga J. et al. (2020). The long-term relationship between economic development and regional inequality: South-West Europe, 1860–2010. *Papers in Regional Science*, vol. 99, issue 3, pp. 479–508. DOI: 10.1111/pirs.12489.
- Fan S., Kanbur R., Zhang X. (2011). China's regional disparities: Experience and policy. *Review of Development Finance*, vol. 1, no. 1, pp. 47–56. <https://hdl.handle.net/10520/EJC89958>.
- Iammarino S., Rodríguez-Pose A., Storper M. (2019). Regional inequality in Europe: evidence, theory and policy implications. *Journal of Economic Geography*, vol. 19, issue 2, pp. 273–298. DOI: 10.1093/jeg/lby021.
- Israel E., Frenkel A. (2018). Social justice and spatial inequality: Toward a conceptual framework. *Progress in Human Geography*, vol. 42, no. 5, pp. 647–665. DOI: 10.1177/0309132517702969.

- Krugman P. (1994). Complex landscapes in economic geography. *American Economic Association, Papers and Proceedings*, no. 84, pp. 412–428.
- Lee N., Rodríguez-Pose A. (2013). Innovation and spatial inequality in Europe and USA. *Journal of Economic Geography*, vol. 13, issue 1, pp. 1–22. DOI: 10.1093/jeg/lbs022.
- Lessmann C. (2009). Fiscal decentralization and regional disparity: Evidence from cross-section and panel data. *Environment and Planning A: Economy and Space*, vol. 41, issue 10, pp. 2455–2473. DOI: 10.1068/a41296.
- Li Q., Kovacs J.F., Choi G.H. (2020). High-technology employment growth in China: Geographic disparities in economic structure and sectoral performance. *Economic Change and Restructuring*, pp. 1–40. DOI: 10.1007/s10644-020-09293-6.
- Liu S., Wan Y., Zhang A. (2020). Does China's high-speed rail development lead to regional disparities? A network perspective. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*, vol. 138, pp. 299–321. DOI: 10.1016/j.tra.2020.06.010.
- McCann P. (2020). Perceptions of regional inequality and the geography of discontent: Insights from the UK. *Regional Studies*, vol. 54, issue 2, pp. 256–267. DOI: 10.1080/00343404.2019.1619928.
- Persson T., Tabellini G. (1994). Is inequality harmful for growth? *American Economic Review*, vol. 84, no 3, pp. 600–621.
- Puga D. (1999). The rise and fall of regional inequalities. *European Economic Review*, vol. 43, issue 2, pp. 303–334. DOI: 10.1016/S0014-2921(98)00061-0.
- Rodríguez-Pose A., Ezcurra R. (2010). Does decentralization matter for regional disparities? A cross-country analysis. *Journal of Economic Geography*, vol. 10, issue 5, pp. 619–644. DOI: 10.1093/jeg/lbp049.
- Tiwari P.P., Bhattacharjee S., Chakrabarti D. (2020). Investigating regional inequalities in India: Are Indian districts converging? *Journal of International Development*, vol. 32, issue 5, pp. 684–716. DOI: <https://doi.org/10.1002/jid.3472>.
- Trejo Nieto A. (2019). Regional disparities in Mexico and the spatially cumulative effects of national development and economic cycles, 1940–2013. *Regional Science Policy & Practice*, July 4. DOI: <https://doi.org/10.1111/rsp3.12311>.
- Van Raalte A.A., Klüsener S., Oksuzyan A., Grigoriev P. (2020). Declining regional disparities in mortality in the context of persisting large inequalities in economic conditions: The case of Germany. *International Journal of Epidemiology*, vol. 49, issue 2, pp. 486–496. DOI: <https://doi.org/10.1093/ije/dyz265>.
- Van Rompuy P. (2020). Does subnational tax autonomy promote regional convergence? Evidence from OECD countries, 1995–2011. *Regional Studies*, pp. 1–11. <https://doi.org/10.1080/00343404.2020.1800623>.
- Williamson J.G. (1965). Regional Inequality and the Process of National Development: A Description of Patterns. *Economic Development and Cultural Change*, vol. 13, no. 4, part 2, pp. 3–45. <https://doi.org/10.1086/450136>.
- Wu J.J., Gopinath M. (2008). What causes spatial variations in economic development in the United States? *American Journal of Agricultural Economics*, vol. 90, issue 2, pp. 392–408. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8276.2007.01126.x>.
- Yamamoto D. (2008). Scales of regional income disparities in the USA, 1955–2003. *Journal of Economic Geography*, vol. 8, issue 1, pp. 79–103. DOI: <https://doi.org/10.1093/jeg/lbm044>.
- Zhang H., Schwartz G.G. (2020). Spatial disparities in coronavirus incidence and mortality in the United States: An ecological analysis as of May 2020. *The Journal of Rural Health*, vol. 36, no. 3, pp. 433–445. DOI: <https://doi.org/10.1111/jrh.12476>.

Информация об авторах

Антипин Иван Александрович

Кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления. **Уральский государственный экономический университет** (620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45). E-mail: aia87@mail.ru.

Власова Наталья Юрьевна

Доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления. **Уральский государственный экономический университет** (620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45). E-mail: nat-vlasova@yandex.ru.

Иванова Ольга Юрьевна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления. **Уральский государственный экономический университет** (620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45). E-mail: trtskmis17@mail.ru.

DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-6-3

Strategic priorities for managing spatial inequalities in the socio-economic development of the Russian regions

Ivan A. Antipin¹, Natalya Yu. Vlasova¹, Olga Yu. Ivanova¹

¹ Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

Abstract. With the growing need to ensure the security and sustainability of the national economy's long-term development under unstable macroeconomic conditions, it is of special relevance to comprehend the inequalities being formed in the socio-economic space of Russia and its regions. The paper aims to explore the trajectories of the socio-economic space's inequality at

the macro- and meso-levels in the Russian Federation, as well as to determine the strategic priorities for managing interregional differentiation. The study presents an integrated approach based on the primacy of the interconnection and interdependence typical of spatial imbalances. The approach implies the assessment of the dynamics of three groups of indicators that characterize the differences in economic and social development of the Russian regions. Scientific ideas about regional and spatial economics, as well as location theory and strategic management constitute the methodological framework of the research. In the study, dialectical, cause-effect and statistical methods are used. We prove that economic and social spaces in Russia often have opposite development priorities, which hampers the effectiveness of government policy. This requires adjusting the strategic management of spatial imbalances aimed at increasing the efficiency of public administration mechanisms and methods, and improving the consistency of development indicators of the country and its regions with long-term socio-economic goals. Having assessed the problems of regulation of the socio-economic development inequalities and performed a discourse analysis of relevant documents, the article develops the key thrusts for improving the system of strategic planning in Russia. The findings add to the development of a scientifically based approach to implementing strategic management of spatial inequalities in the socio-economic development of Russia and its regions.

Keywords: strategic planning; strategic management; socio-economic space; differentiation of the socio-economic development; interregional inequality; regional economy.

JEL Classification: R50, R58

Funding: The paper was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI), project No. 20-010-00824 "Incremental approach to the formation and implementation of strategies for the socio-economic development of regions of different hierarchical levels of the Russian Federation: Uniform rules for strategizing".

Paper submitted: October 28, 2020

For citation: Antipin I.A., Vlasova N.Yu., Ivanova O.Yu. (2020). Strategic priorities for managing spatial inequalities in the socio-economic development of the Russian regions. *Upravlenets – The Manager*, vol. 11, no. 6, pp. 28–43. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-6-3.

References

- Animitsa E.G., Surnina N.M. (2006). Ekonomicheskoe prostranstvo Rossii: problemy i perspektivy [The economic space of Russia: Problems and prospects]. *Ekonomika regiona – Economy of Region*, vol. 3, no. 7, pp. 34–46.
- Armanshina G.R., Il'minskaya S.A. (2018). Mezhhregional'nye disproportsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii: prichiny i posledstviya [Interregional disproportions of social and economic development of Russia: Reasons and consequences]. *Vestnik OrelGIET – OrelSIET Bulletin*, no. 4(46), pp. 79–84.
- Barkovskaya A.Yu. (2013). Sotsiologicheskaya interpretatsiya kategorii «sotsial'noe prostranstvo» [Sociological interpretation of the category of "social space"]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya – Science Journal of Volgograd State University. Philosophy*, no. 1(19), pp. 49–55.
- Biyakov O.V. (2004). *Ekonomicheskoe prostranstvo regiona: protsessnyy podkhod* [The economic space of the region: A process approach]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
- Bukhvald E.M., Valentik O.N. (2016). Prioritety natsional'noy bezopasnosti i strategirovanie prostranstvennogo razvitiya ekonomiki Rossiyskoy Federatsii [The priorities of national security and strategizing the spatial development of the Russian economy]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra – Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, no. 3, pp. 122–137.
- Granberg A.G. (2009). Stanovlenie v Rossii nauchnogo napravleniya «Prostranstvennaya ekonomika» [Formation of the scientific specialization "Spatial Economics" in Russia]. *Vestnik Universiteta*, no. 26-2, pp. 18–24.
- Grishina I.V. (2019). [The strategy of spatial development of Russia: Proof by contradiction (pp. 108–115)]. *Prostranstvennyy potentsial razvitiya Rossii: nevyuchennye uroki i zadachi na budushchee: sb. nauch. tr. uchastnikov Mezhdunar. nauch. konf. XXVI Kondrat'evskie chteniya*. In V.M. Bondarenko (ed.). Spatial potential of Russia's development: Unlearned lessons and challenges for the future. Proc. of the Int. sci. conf. the 26th Kondratieff Readings. Moscow: MOOSIPNN N.D. Kondrat'eva.
- Zhikharevich B.S. (2007). Konkurentsia za prostranstvo i prostranstvo konkurentsii: realii regional'noy politiki [Competition for the space and the space of competition: The realities of regional policy]. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya – Economy of the North-West: Problems and development prospects*, vol. 3, no. 33, pp. 26–32.
- Zubarevich N.V. (2008). Sotsial'noe prostranstvo Rossii [Social space of Russia]. *Otechestvennye zapiski – Annals of the Fatherland*, no. 44(5), pp. 172–193.
- Zubarevich N.V. (2010). *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya* [Regions of Russia: Inequality, crisis, modernization]. Moscow: Independent Institute for Social Policy.
- Korchagina I.V., Sycheva-Peredero O.V., Korchagin R.L. (2019). Chem razlichayutsya innovatsionnye ekosistemy regionov-liderov i autsayderov [What is the difference between the innovation ecosystems of the leading regions and outsiders]. *EKO – ECO Journal*, vol. 49, no. 12, pp. 47–64. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-47-64.
- Lavrikova Yu.G. (2009). *Klastery kak rynochnyy institut prostranstvennogo razvitiya ekonomiki regiona: Dis. d-ra ekon. nauk. Ekaterinburg* [Clusters as a market institution for the spatial development of the region's economy. Dr. Econ. Sci. Diss.]. Ekaterinburg.
- Lavrovskiy B.L. (1999). Izmerenie regional'noy asimmetrii na primere Rossii [Measuring regional asymmetry using the case study of Russia]. *Voprosy Statistiki*, no. 3, pp. 42–52. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-5-16-22>.
- Matveev M.M. (2011). Kontseptsiya teorii sotsio-ekonomicheskogo prostranstva [The concept of the theory of socio-economic space]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo – Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, no. 6, pp. 3–10.
- Mironova M.N., Kholina V.N. (2011). Disproportsii regional'nogo razvitiya Rossii: dinamika v postsovetskiy period [Disproportions of Russia's regional development: Dynamics in the post-Soviet period]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Ekonomika – RUDN Journal of Economics*, no. 4, pp. 23–34.

- Polynev A.O., Grishina I.V. (2019). Metodicheskie podkhody k postroeniyu tipologii regionov dlya razrabotki strategii prostranstvennogo razvitiya Rossii [Methodological approaches to regions' typology for working out the strategy of Russia's spatial development]. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii – Regional Economy. South of Russia*, vol. 7, no. 1, pp. 29–41. <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.1.3>.
- Surnina N.M. (2003). *Prostranstvennaya ekonomika: problemy teorii, metodologii i praktiki*. [Spatial economics: Problems of theory, methodology and practice]. Ekaterinburg: USUE Publisher.
- Tatarkin A.I. (2013). Rynoch'naya model' upravleniya prostranstvennym razvitiem Rossiyskoy Federatsii [A market model for managing the spatial development of the Russian Federation]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk – The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no. 1, pp. 55–75.
- Fedolyak V.S. (2008). Mezhtsestvennyye disproportsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya sovremennoy Rossii [Interregional disproportions in the socio-economic development of modern Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser.: Ekonomika. Upravlenie. Pravo – Bulletin of Saratov University. Series: Economics. Management. Law*, no. 2, pp. 12–20.
- Shekhovtseva L.S. (2006). Kontseptual'nye osnovy strategicheskogo upravleniya razvitiem regiona [Conceptual foundations of strategic management of regional development]. *Vestnik MGTU – Vestnik of MSTU*, vol. 9, no. 4, pp. 690–693.
- Achten S., Lessman C. (2020). Spatial inequality, geography and economic activity. *World Development*, vol. 136(C), pp. 105–115. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.105114.
- Arestis P., Phelps P. (2019). A panel analysis of Brazilian regional inequality. *Environment and Planning A: Economy and Space*, vol. 51, no. 7, pp. 1558–1585. DOI: 10.1177/0308518X19842584.
- Barrios S., Strobl E. (2009). The dynamics of regional inequalities. *Regional Science and Urban Economics*, vol. 39, issue 5, pp. 575–591. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2009.03.008.
- Barro R.J. (2020). Inequality and growth in a panel of countries. *Journal of Economic Growth*, vol. 5, no. 1, pp. 5–32.
- Berkowitz P., Monfor P., Pieńkowski J. (2019). Unpacking the growth impacts of European Union Cohesion Policy: Transmission channels from Cohesion Policy into economic growth. *Regional Studies*, vol. 54, issue 1, pp. 21–34. DOI: 10.1080/00343404.2018.1551615.
- Bosker M., Deichmann U., Roberts M. (2018). Hukou and highways the impact of China's spatial development policies on urbanization and regional inequality. *Regional Science and Urban Economics*, vol. 71, pp. 91–109. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2018.05.007.
- Bouzarovski S., Tirado Herrero S. (2017). The energy divide: Integrating energy transitions, regional inequalities and poverty trends in the European Union. *European Urban and Regional Studies*, vol. 24, no. 1, pp. 69–86. DOI: 10.1177/09697764155964.
- Breau S., Burkhart N., Shin M. (2019). Is it time to start worrying more about growing regional inequalities in Canada? *The Canadian Geographer/Le Géographe canadien*, November. DOI: 10.1111/cag.12634.
- Charron N. (2016). Diverging cohesion? Globalisation, state capacity and regional inequalities within and across European countries. *European Urban and Regional Studies*, vol. 23, issue 3, pp. 355–373. DOI: 10.1177/0969776413512844.
- Démurger S. (2001). Infrastructure development and economic growth: An explanation for regional disparities in China? *Journal of Comparative Economics*, vol. 29, no. 1, pp. 95–117. <https://doi.org/10.1006/jcec.2000.1693>.
- Díez-Minguela A., Gonzalez-Val R., Martinez-Galarraga J. et al. (2020). The long-term relationship between economic development and regional inequality: South-West Europe, 1860–2010. *Papers in Regional Science*, vol. 99, issue 3, pp. 479–508. DOI: 10.1111/pirs.12489.
- Fan S., Kanbur R., Zhang X. (2011). China's regional disparities: Experience and policy. *Review of Development Finance*, vol. 1, no. 1, pp. 47–56. <https://hdl.handle.net/10520/EJC89958>.
- Iammarino S., Rodríguez-Pose A., Storper M. (2019). Regional inequality in Europe: evidence, theory and policy implications. *Journal of Economic Geography*, vol. 19, issue 2, pp. 273–298. DOI: 10.1093/jeg/lby021.
- Israel E., Frenkel A. (2018). Social justice and spatial inequality: Toward a conceptual framework. *Progress in Human Geography*, vol. 42, no. 5, pp. 647–665. DOI: 10.1177/0309132517702969.
- Krugman P. (1994). Complex landscapes in economic geography. *American Economic Association, Papers and Proceedings*, no. 84, pp. 412–428.
- Lee N., Rodríguez-Pose A. (2013). Innovation and spatial inequality in Europe and USA. *Journal of Economic Geography*, vol. 13, issue 1, pp. 1–22. DOI: 10.1093/jeg/lbs022.
- Lessmann C. (2009). Fiscal decentralization and regional disparity: Evidence from cross-section and panel data. *Environment and Planning A: Economy and Space*, vol. 41, issue 10, pp. 2455–2473. DOI: 10.1068/a41296.
- Li Q., Kovacs J.F., Choi G.H. (2020). High-technology employment growth in China: Geographic disparities in economic structure and sectoral performance. *Economic Change and Restructuring*, pp. 1–40. DOI: 10.1007/s10644-020-09293-6.
- Liu S., Wan Y., Zhang A. (2020). Does China's high-speed rail development lead to regional disparities? A network perspective. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*, vol. 138, pp. 299–321. DOI: 10.1016/j.tra.2020.06.010.
- McCann P. (2020). Perceptions of regional inequality and the geography of discontent: Insights from the UK. *Regional Studies*, vol. 54, issue 2, pp. 256–267. DOI: 10.1080/00343404.2019.1619928.
- Persson T., Tabellini G. (1994). Is inequality harmful for growth? *American Economic Review*, vol. 84, no 3, pp. 600–621.
- Puga D. (1999). The rise and fall of regional inequalities. *European Economic Review*, vol. 43, issue 2, pp. 303–334. DOI: 10.1016/S0014-2921(98)00061-0.
- Rodríguez-Pose A., Ezcurra R. (2010). Does decentralization matter for regional disparities? A cross-country analysis. *Journal of Economic Geography*, vol. 10, issue 5, pp. 619–644. DOI: 10.1093/jeg/lbp049.
- Tiwari P.P., Bhattacharjee S., Chakrabarti D. (2020). Investigating regional inequalities in India: Are Indian districts converging? *Journal of International Development*, vol. 32, issue 5, pp. 684–716. DOI: <https://doi.org/10.1002/jid.3472>.
- Tejo Nieto A. (2019). Regional disparities in Mexico and the spatially cumulative effects of national development and economic cycles, 1940–2013. *Regional Science Policy & Practice*, July 4. DOI: <https://doi.org/10.1111/rsp3.12311>.

- Van Raalte A.A., Klüsener S., Oksuzyan A., Grigoriev P. (2020). Declining regional disparities in mortality in the context of persisting large inequalities in economic conditions: The case of Germany. *International Journal of Epidemiology*, vol. 49, issue 2, pp. 486–496. DOI: <https://doi.org/10.1093/ije/dyz265>.
- Van Rompuy P. (2020). Does subnational tax autonomy promote regional convergence? Evidence from OECD countries, 1995–2011. *Regional Studies*, pp. 1–11. <https://doi.org/10.1080/00343404.2020.1800623>.
- Williamson J.G. (1965). Regional Inequality and the Process of National Development: A Description of Patterns. *Economic Development and Cultural Change*, vol. 13, no. 4, part 2, pp. 3–45. <https://doi.org/10.1086/450136>.
- Wu J.J., Gopinath M. (2008). What causes spatial variations in economic development in the United States? *American Journal of Agricultural Economics*, vol. 90, issue 2, pp. 392–408. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8276.2007.01126.x>.
- Yamamoto D. (2008). Scales of regional income disparities in the USA, 1955–2003. *Journal of Economic Geography*, vol. 8, issue 1, pp. 79–103. DOI: <https://doi.org/10.1093/jeg/lbm044>.
- Zhang H., Schwartz G.G. (2020). Spatial disparities in coronavirus incidence and mortality in the United States: An ecological analysis as of May 2020. *The Journal of Rural Health*, vol. 36, no. 3, pp. 433–445. DOI: <https://doi.org/10.1111/jrh.12476>.

Information about the authors

Ivan A. Antipin

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor of Regional, Municipal Economics and Administration. **Ural State University of Economics** (62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia). E-mail: aia87@mail.ru.

Natalya Yu. Vlasova

Dr. Sc. (Econ.), Professor of Regional, Municipal Economics and Administration. **Ural State University of Economics** (62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia). E-mail: nat-vlasova@yandex.ru.

Olga Yu. Ivanova

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor of Regional, Municipal Economics and Administration. **Ural State University of Economics** (62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia). E-mail: trtskmius17@mail.ru.